

Противоречия и приоритеты постпандемического восстановления глобальной экономики

Е.Н. Смирнов

Государственный университет управления

По мере распространения пандемии коронавируса возрастает степень её негативного воздействия на развитие экономических систем в масштабах мирового хозяйства. При этом всё более неопределёнными становятся вопросы будущего мироустройства и восстановления глобальной экономики. Цель настоящего исследования состоит в обзоре концептуальных и практических подходов к обоснованию возможностей послекризисного восстановления глобальной экономики в условиях продолжающегося отрицательного влияния пандемии на международную торговлю, движение капитала и состояние мировой финансовой системы. Придерживаясь общенаучных методов познания, применяемых в экономической теории, для оценки долгосрочных экономических последствий пандемии автор уделит особое внимание экспертной диагностике и материалам международных экономических организаций. Проведённый анализ показывает, что основное препятствие для восстановления мировой экономики заключается в неоднородности степени воздействия пандемии на отдельные отрасли и экономики стран, а также дифференциация и непоследовательность применявшихся инструментов экономической политики. Кроме того, установлено, что в мире сохраняется высокий потенциал финансовой нестабильности, усугубляется «вакцинный национализм». Основным противоречием становится трансграничный характер вызовов дальнейшего экономического развития при существенном замедлении процессов глобализации. Автор относит нынешнюю пандемию к числу новых глобальных проблем мировой экономики, поскольку её восстановление в нынешних условиях носит неопределённый скачкообразный характер, а также имеют место риски постоянного замедления экономической мобильности. Решение ключевой проблемы экономического роста – увеличение производительности – возможно, лишь при чётком понимании и планировании прогресса с инклюзивным вакцинированием, которое пока труднодостижимо. Если правительства занимаются прежде всего краткосрочной экономической политикой, то на глобальном уровне необходима хорошо скоординированная международная повестка, позволяющая обеспечить переход от поддержки доходов к стимулированию экономического роста, а также к преодолению сложившихся структурных дисбалансов и переколов в системе экономических отношений между странами.

УДК: 339.9

Поступила в редакцию: 01.03.2021 г.

Принята к публикации: 09.04.2021 г.

Ключевые слова: восстановление экономики; пандемия; экономическая политика; экономическая глобализация; глобальный кризис

Снижение глобальной экономической активности из-за пандемии коронавируса было беспрецедентным, и её распространение на развитые, а затем на развивающиеся страны обусловило более серьёзные сбои и ограничения, чем ожидалось ранее (Смирнов 2020). Это привело к синхронизированному глубокому спаду валового внутреннего продукта (ВВП) и потребления практически во всех странах. Произошли значимые изменения в структуре потребительских расходов, поскольку, например, покупки автомобилей были отложены, а расходы на поездки и туристические услуги резко сократились, тогда как расходы на предметы первой необходимости почти не изменились. Примечательно, что во времена традиционных кризисов потребители используют свои сбережения либо полагаются на социальную защиту, поэтому потребление снижается сравнительно меньше инвестиций. В текущем кризисе потребление, равно как и производство услуг, заметно упало. Имеет место уникальная комбинация комплекса факторов – резкие потери доходов, ослабление доверия потребителей, социальное дистанцирование. В свою очередь, компании сократили инвестиции вследствие снижения спроса, неопределённости по поводу будущих доходов и перебоев с поставками.

Экономическая наука оперативно отреагировала на пандемию. Уже в марте прошлого года появился ряд революционных исследований в данной области, среди которых особенно следует отметить работы Р. Болдуина (Baldwin, Weder di Mauro 2020, Д. Бакайи (Baqaee, Farhi 2020), В. Бауэра (Bauer et al. 2021), Н. Блума (Bloom et al. 2020), Б. Бонадио (Bonadio et al. 2020), В. Гуэррьерри (Guerrieri et al. 2020). Между тем в нынешних условиях необходимо проверить готовность мировой экономики к следующей пандемии, т.е. учитывать «заразность» вируса для экономики, что П. Ван Бергейк называет «пандономика»¹, которая принципиальным образом изменила монетарную, фискальную политику и политику в сфере здравоохранения. Необходимо чёткое понимание видов и секторов хозяйственной деятельности, расширяющихся или сужающихся во время карантинных ограничений. Далее П. Ван Бергейк указывает (Van Bergeijk 2021: 11), что «пандономика» представляет собой экономику разорения, так как во время пандемии обнаружился ряд альтернативных экономических издержек, например, рост долга.

¹ Van Bergeijk P. 2021. Economic preparation for the next pandemic. *VoxEU*, March 18. URL: <https://voxeu.org/article/economic-preparation-next-pandemic> (дата обращения: 15.04.2021).

Для готовности к последующим пандемиям Ш. Виплош, профессор экономики женеvского Высшего института международных исследований, считает необходимым революционное изменение подходов к анализу международной экономики, а также институциональной организации общества (Wyplosz 2020: 113-115). Даже в относительно однородном пространстве Европы последствия пандемии серьёзно различаются. Возможно, проводимая политика и институты играют решающую роль в противодействии пандемии.

Любая эпидемия может иметь значительные долгосрочные последствия для экономического роста, что происходит по разным каналам и может привести к банкротствам даже стабильных компаний, росту безработицы и ущербу финансовым системам государств. Исследователи (Chudik et al. 2020) отмечают, что поскольку глобальная рецессия, вследствие нынешней пандемии, была сильнее предыдущих восьми глобальных кризисов, то экономический ущерб в текущей ситуации может быть более продолжительным и серьёзным. Острота шока вызывает изменения в поведении потребителей и бизнеса, что снижает отдачу от капиталовложений. Кроме того, реконфигурация производства может оказаться слишком затратной, что будет способствовать более раннему возобновлению инфляции. В отсутствие мер денежно-кредитного стимулирования и при высоком уровне долговой нагрузки эти тенденции увеличивают риск возникновения финансового кризиса. Кроме того, в литературе (Ниязбекова 2020: 6) указывается, что кризис актуализировал новые уникальные проблемы развития банковского сектора и финансовых систем.

Наложение комплекса негативных факторов и детерминант, связанных с пандемией коронавируса, обусловило высокую степень неопределённости перспектив восстановления мировой экономики, которые мы анализируем в настоящей статье. Структура нашего исследования предусматривает оценку масштабов воздействия пандемии на международные экономические отношения, определение мер противодействия нынешнему глобальному экономическому кризису, выявление возможностей дальнейшего противодействия негативному влиянию пандемии на экономику в контексте выбора эффективных направлений экономической политики.

Масштабы и последствия воздействия пандемии на мировую экономику

С 2020 г. чрезвычайная ситуация, обусловленная пандемией нового коронавируса, переросла в глобальный экономический кризис и кризис общественного здравоохранения, затронувшие мировую экономику с оборотом свыше 90 трлн долл. Ввиду чрезвычайной взаимосвязанности в глобальной экономике вирус был обнаружен более чем в 200 странах, постепенно смещаясь из Китая в другие регионы мира, главным образом, в США и страны Европейского союза.

У пандемии обнаружилось небывало большое число каналов воздействия на экономику. В частности, глобальный кризис привёл к сокращению частных

потоков капитала в развивающиеся страны. Данные Всемирного банка показывают, что в 2020 и 2021 гг. денежные переводы в страны с низким и средним уровнем дохода снизились в 2020 г. на 7,2 %, а в 2021 г. это снижение составит 7,5 %². Ещё более резким за 2020 г. стало сокращение потоков прямых иностранных инвестиций (ПИИ) (12%) и портфельных инвестиций (15%). Примечательно, что снижение портфельных инвестиций является негативным фактором устойчивости компаний развивающихся стран. Одним из показателей воздействия пандемии на мировую экономику также является «разрыв объёма производства» – разрыв между фактическим ВВП и потенциальным максимальным объёмом производства, который экономика способна достигнуть при полной занятости – так называемый. По оценкам Международного валютного фонда (МВФ), потери за счёт разрыва объёма производства составили 3,6% в 2020 г. для развитых стран, т.е. их экономики работали на 3,6% медленнее своего потенциала³. Среди развитых стран США имеют самый маленький, а страны ЕС – самый большой разрыв объёма производства, однако разрыв объёма производства в США был максимальным с последнего кризиса 2008-2009 гг.

Важнейшим негативным аспектом нынешнего кризиса является усиление неравенства в глобальном масштабе, при этом, по нашему мнению, неравенство по доходам в мире будет иметь устойчивую тенденцию к росту (Смирнов, Карелина 2021: 34). В 2020 г. от 119 до 124 млн человек в мире оказались в состоянии крайней нищеты, что является максимальным показателем с 1998 г., а 60% людей, ставших бедными вследствие пандемии, проживает в Южной Азии⁴. В свою очередь, впервые с момента начала расчётов Индекса развития человеческого потенциала в 1990 г., этот показатель начал снижаться. Около 24 млн людей в 2020 г. не вернулись в образовательные учреждения, и большинство из них проживает в Азии и Африке⁵. Вместе с указанными негативными тенденциями усиливаются гендерные разрывы и внутристрановое неравенство в доходах. По оценке МВФ⁶, в начальный период пандемии коэффициент Джини в развивающихся странах возрос на 2,6 %, поэтому прогресс в этой области, достигнутый за последнее десятилетие, можно считать перечёркнутым.

Рынки труда столкнулись в период нынешнего кризиса с беспрецедентной неустойчивостью. Международная организация труда (МОТ) указывает, что 93% рабочих мест в мире так или иначе столкнулись с ограничениями, а в целом

² World Bank. 2020. Phase II: COVID-19 Crisis through a Migration Lens. *Migration and Development Brief No 33*. The Global Knowledge Partnership on Migration and Development (KNOMAD), The World Bank Group, October, p. 7.

³ IMF. 2020. World Economic Outlook: A Long and Difficult Ascent. *International Monetary Fund (IMF)*, Wash., DC, October 2020, p. 153.

⁴ Lakner C. et al. 2021. *Updated estimates of the impact of COVID-19 on global poverty: Looking back at 2020 and the outlook for 2021*. World Bank Group, January 11. URL: <https://blogs.worldbank.org/opendata/updated-estimates-impact-covid-19-global-poverty-looking-back-2020-and-outlook-2021> (accessed: 15.04.2021).

⁵ UNESCO. 2020. COVID-19 Education Response Report. *Education Sector Issue Notes No 7.1*. UNESCO, April, 6 p.

⁶ Cugat G., Narita F. 2020. How COVID-19 Will Increase Inequality in Emerging Markets and Developing Economies. *IMF Blog, International Monetary Fund, Wash., D.C.*, October 29. URL: <https://blogs.imf.org/2020/10/29/how-covid-19-will-increase-inequality-in-emerging-markets-and-developing-economies/> (accessed: 15.04.2021).

в 2020 г. было потеряно 8,8% рабочего времени, и большая часть этих потерь приходилась на Европу, Северную и Южную Америку. В целом в мире по сравнению с 2019 г. было утрачено 114 млн рабочих мест⁷. Здесь мы особо отмечаем разницу в подходах исследователей к оценке долгосрочного воздействия пандемии на рынки труда развитых и развивающихся стран. Так, Д. Аутор полагает, что даже после завершения пандемии и восстановления экономической активности компании не откажутся от удалённой работы в целях экономии трудовых ресурсов (Autor, Reynolds 2020: 2). Эксперты глобального института McKinsey (Lund et al. 2021) уверены в изменении структуры занятости за счёт повышения удельного веса в будущем удалённой работы до 20-25%, и эта тенденция будет введена в ростом значения электронной коммерции, ускорением внедрения робототехники и искусственного интеллекта, которые нарушат традиционную занятость в туризме, ресторанном бизнесе, розничной торговле.

Степень негативного воздействия карантинных ограничений в разрезе отдельных секторов различна. Отрасли, в которых предполагается прямой контакт между потребителями и поставщиками, а также в секторы, связанные с поездками, такие как международный туризм, пострадали существенно больше. Меньшим было воздействие ограничений в отраслях обрабатывающей промышленности, однако и они испытывают проблемы с поставками промежуточных ресурсов. Поэтому страны, где международный туризм занимает значительную долю ВВП, потенциально в большей степени уязвимы в результате карантинных ограничений.

Если рассматривать воздействие пандемии на отдельные экономики, то в США глубина рецессии была особенно острой, поскольку экономическая активность снизилась в три раза больше уровня, зафиксированного в период кризиса 2008-2009 гг., поэтому и поддержка домохозяйств была намного больше, чем в период Великой рецессии. Экономика Евразии, в свою очередь, испытывает экономический коллапс ввиду стагнации жизненно важных секторов услуг, однако фискальная поддержка в регионе была значительной, и, кроме национальных, широко использовались наднациональные инструменты. Для Японии было характерным ранее эффективное управление пандемией, дополненное беспрецедентными мерами финансовой поддержки. В Китае экономический рост в 2020 г. был самым низким с 1976 г., однако экономика эффективно боролась с пандемией, что во многом было обеспечено обширными государственными инвестициями. Устойчивое восстановление экономики отчасти было обеспечено опережающим ростом экспорта по сравнению с импортом. Смягчение фискальной и монетарной политики, обусловившей рост долга и бюджетного дефицита на раннем этапе пандемии, похоже, подходит к своему логическому завершению.

⁷ ILO. Monitor: COVID-19 and the World of Work. 7th Edition. 2021. *International Labor Organization (ILO)*, January 25, p. 2.

Падение доходов на душу населения уже испытали свыше 90% развивающихся стран, где также возникли серьёзные долгосрочные вызовы роста производительности и инвестиций. В наименее развитых странах больше всего негативное влияние оказала пандемия в наиболее хрупких и охваченных конфликтами экономиках. В развивающихся странах одним из ключевых негативных последствий стало уменьшение прогресса в сфере инвестиций в человеческий капитал. Снижение производства по развивающимся стран стало максимальным с 1960 г. В большей степени затронуты пандемией оказались экономики стран, зависящих от секторов услуг и туризма – Черногория, Мальдивы, – а также стран с крупными вспышками эпидемии – Аргентина, Индия – и зависящих от экспорта промышленных товаров. Как и в развитых странах, всеобъемлющие меры макроэкономической поддержки смягчили снижение экономической активности. Сокращение инвестиций компенсировалось мерами макропруденциальной поддержки и уменьшением процентных ставок, что стимулировало кредитование и поддержку ликвидности. Ф. Рестой (Restoy 2020: 2), председатель Института финансовой стабильности Банка международных расчётов, отмечает, что впервые ключевая роль в вопросах финансовой и экономической стабилизации была отведена пруденциальной, а не традиционной макроэкономической политике. Снижение потребления домохозяйств было меньшим в тех развивающихся странах, которые имели большее пространство фискальной политики, чтобы поддерживать занятость и социальную защиту, а также там, где были сохранены денежные переводы. Несмотря на это, снижение доходов от потери рабочих мест по разным развивающимся странам оценивается в 10-15%.⁸ Страны-экспортёры сырья испытали большой шок ввиду резкого снижения мировых цен на сырьевые товары.

В свою очередь, необходимо отметить сохраняющийся потенциал финансовой нестабильности, усугубляемый повсеместным ростом долгов, однако дефицит инвестиций ограничивает источники финансирования долга, а банковские резервы в период корпоративных банкротств стали ограниченными. Волна списаний по обесцененным кредитам и низкие процентные ставки негативно сказались на прибыльности банковского сектора и повысили риск банкротства его учреждений. Компании накопили значительное долговое бремя в период пандемии, и в таких условиях корпоративные инвестиции ограничены, что особенно актуально для переполненных долгами так называемых компаний «зомби», которые не инвестируют и не внедряют инновации (Banerjee, Hofmann 2020).

Негативное воздействие коронавируса на мировую экономику подтверждается не только отрицательной динамикой рассмотренных выше показателей – вследствие пандемии была подорвана вера в глобализацию, укрепился

⁸ ILO. Monitor: COVID-19 and the World of Work. 2020. 6th edition. *International Labor Organization (ILO)*, September 23, p. 9.

национализм, хотя среди правительств чётко осознаются исключительно глобальные возможности борьбы с пандемией. В получении вакцин между развитыми и развивающимися странами существует разрыв. Считается, что проблема так называемого «вакцинного национализма», обсуждаемая в специальной литературе с начала пандемии (Hafner et al. 2020), может замедлить восстановление мировой экономики⁹. Следует также принимать во внимание, что ряд трансграничных вызовов актуализировался ещё до пандемии.

Дифференциация мер противодействия глобальному экономическому кризису

До пандемии мировая экономика пыталась восстановить темпы роста вследствие негативного воздействия нарастающего торгового протекционизма между странами, падения мировых цен на сырьё и неопределённости развития экономики ЕС, частично связанной с Brexit. В совокупности данные проблемы способствовали снижению гибкости политики ведущих стран. Беспрецедентные меры правительств по сдерживанию распространения пандемии коронавируса сложно поддаются количественной оценке, с точки зрения их воздействия на ВВП, однако очевидно, что эти меры привели к сокращению международной торговли, производства, корпоративных инвестиций и расходов домохозяйств. Последствия для роста ВВП зависят от продолжительности и объёма национальных карантинных ограничений, скорости поддержки со стороны денежно-кредитной и бюджетной политики, степени снижения спроса. Даже после ослабления ограничений восстановление производства будет зависеть от мер политики, принятых для поддержки компаний и работников в период спада.

Исследователи хронологически выделяют три этапа в политике противодействия стран глобальному экономическому кризису: 1) применение мер денежно-кредитной политики, таких как обеспечение устойчивости кредитов и стабилизация финансовых рынков; 2) использование фискальных инструментов при поддержке экономического роста, ослабленного карантинными ограничениями; 3) разработка, закупка и распространение вакцин (Jackson et al. 2021: 1). В основном на начальном этапе национальные правительства пошли по пути использования собственных, порой сильно отличающихся друг от друга, стратегий противодействия кризису, включающих, в частности, запрет на экспорт медицинского оборудования. Далее, после беспрецедентного снижения ставки со стороны Федеральной резервной системы (ФРС), центральные банки также снизили процентные ставки для наращивания ликвидности финансовых

⁹ Kretchmer H. 2021. Vaccine nationalism – and how it could affect us all. *The Davos Agenda, World Economic Forum (WEF)*, January 6. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2021/01/what-is-vaccine-nationalism-coronavirus-its-affects-covid-19-pandemic/> (accessed: 15.04.2021).

систем, а также применяли дополнительные меры: снижение требований к резервам, использование инструментов временного кредитования, смягчение условий предоставления кредитов. Для домохозяйств применялась отсрочка налоговых платежей и пролонгация сроков страхования от безработицы.

Встречи на высшем уровне, проведённые в начале пандемии в рамках «Большой семёрки» и «Большой двадцатки», не смогли обеспечить конкретных, агрессивных и глобально скоординированных действий, ожидаемых экономистами и инвесторами. Страны при введении ограничений на экспорт и закрытии границ часто действовали в одностороннем порядке и стремились учитывать лишь национальные приоритеты. В то же время концепция мультилатерализма объективно важна для стран, оказавшихся на периферии вследствие усиления неравенства (Lazarou 2020). Таким образом, первоначальные усилия по координации ответа на пандемию коронавируса были крайне неравномерными по отдельным странам. Кроме того, изначально логика мер противодействия пандемии балансировала между довольно противоречивыми интересами экономического развития и необходимостью преодоления кризиса общественного здравоохранения, что предполагало: а) противодействие росту дефицита бюджетов ввиду возросших объёмов социальной поддержки; б) поддержку системам здравоохранения стран; в) фискальную и денежно-кредитную поддержку отдельных предприятий и отраслей, столкнувшихся с финансовыми трудностями; г) стимулирование экономической активности домохозяйств с учётом роста их затрат на обслуживание долга, увеличения инфляции, а также принимая во внимание возросшую склонность домохозяйств к предупредительным сбережениям; д) вмешательство монетарных регуляторов в рынки корпоративных облигаций и суверенного долга для обеспечения ликвидности и стабилизации рынков.

Учитывая глобальный характер нынешней пандемии, денежно-кредитная и фискальная реакция на неё намного сильнее, чем в период кризиса 2008-2009 гг. По мнению экспертов Банка международных расчётов (БМР), кризис в системе здравоохранения постепенно ведёт к финансовому кризису, который на начальном этапе является кризисом ликвидности, но затем может стать глубоким кризисом платёжеспособности, если восстановление экономики откладывается¹⁰. Далее проблемы ликвидности стали распространяться на всё более растущее число домохозяйств, компаний и стран за счёт их тесной взаимосвязанности в мировой экономике. Проблемы ликвидности поставили перед правительствами гораздо большие проблемы, чем просто устранение барьеров со стороны предложения, и фокус политики перешёл на вопросы финансового рынка и макроэкономики. Страны начали проводить фискальную политику по предотвращению резкого снижения экономического роста. В свой очередь, на начальном этапе кризиса благосостояние домохозяйств не снизилось так существенно, как

¹⁰ Annual Economic Report 2020. 2020. *Bank for International Settlements (BIS)*, June 30, p. ix.

в период 2008-2009 гг., однако со стороны домохозяйств также наблюдался постепенный рост просрочек по кредитам.

Контрмеры противодействия кризису, принятые во многих странах и на уровне международных экономических организаций, смогли предотвратить наихудшие краткосрочные сценарии развития экономики. Здесь следует отметить новаторскую политику крупных центральных банков, вследствие которой в развивающихся странах впервые были запущены программы количественного смягчения и своповые линии для преодоления дефицита долларовой ликвидности, а в развитых странах осуществлены масштабные покупки активов, которые позволили наполнить мировую экономику ликвидностью и ограничить рост стоимости займов. В целом политика финансовых регуляторов была направлена на поддержку роста предложения кредита в экономике. Вместе с тем БМР отмечает, что фискальные меры поддержки разных стран существенно различаются¹¹. Более того, в развитых странах, где были приняты такие меры в отношении домохозяйств, произошёл резкий рост предупредительных сбережений, сигнализирующий об ограниченных возможностях расходов домохозяйств и их обеспокоенности по поводу потери рабочих мест в период локдауна.

На примере экономики Китая можно рассмотреть вариант наиболее успешного противодействия негативным последствиям пандемии, однако и в этой стране пока сохраняется вялость внутреннего потребления и крайне медленное восстановление присутствия на своих экспортных рынках ввиду роста ограничений на зарубежную деятельность, проблем с доступа к иностранным технологиям и слабым возможностям диверсификации участия компаний в глобальных цепочках создания стоимости (ГЦСС). Вместе с тем можно отметить достаточно агрессивную политику Китая по преодолению вышеуказанных негативных тенденций и ускорения экономического роста: стимулирование экономики в размере около 0,5 трлн долл.; снижение ставки налога на добавленную стоимость (НДС) и введение льгот по НДС для определённых товаров/услуг; снижение процентных ставок; облегчение условий кредитования и наполнение банков ликвидностью; выпуск специальных казначейских облигаций в размере 143 млрд долл. (Jackson et al. 2021: 99).

В целом, если проводить аналогии с глобальным кризисом 2008-2009 гг., то, несмотря на спорность и неоднозначность антикризисных мер, принятых с целью противодействия той глобальной рецессии, эти меры, однако, позволили не расшатать институциональные и организационные основы мировой экономики и сохранить её относительную устойчивость. В условиях нынешнего экономического кризиса оказалось, что наиболее эффективным механизмом его преодоления является запуск и распространение программ вакцинации, который призван предотвратить новый масштабный шок для экономики и общественно-

¹¹ Ibid, p. 24.

го здравоохранения. С. Джонсон (профессор Школы менеджмента Слоуна Массачусетского технологического института) предполагает¹², что антикризисный прогресс в нынешних условиях может проходить болезненнее и труднее, чем в 2008 г. Такое мнение заслуживает серьёзного внимания по следующим причинам: 1) пока ещё сложно остановить распространение пандемии в мире, и имеется неопределённость с распределением вакцин, и это обстоятельство тормозит глобальное реформирование мировой финансовой системы, тогда как в 2009 г. оно было своевременным и более жёстким; 2) в 2008 г. все страны испытали влияние финансового кризиса, однако сейчас страны Юго-Восточной Азии, например, Китай, оказались лучше подготовлены к пандемии и предприняли оперативные действия для недопущения самых негативных экономических последствий пандемии (вместе с тем это не умаляет необходимости формирования глобальной системы эпидемиологического надзора, отсутствие которой сохраняет высокие риски внезапных вспышек эпидемии в разных странах мира); 3) развивающиеся и наименее развитые страны в условиях их перегруженности долгами почти не имеют средств для модернизации своих систем общественного здравоохранения, и это также делает выход из текущего кризиса более длительным.

К вопросу об устойчивости и перспективах восстановления глобальной экономики

Пандемию коронавируса можно рассматривать как одну из новых глобальных проблем современной мировой экономики, поскольку происходит ухудшение качества международных экономических отношений, продвигается национализм, ставятся под сомнение традиционные интеграционные объединения между странами. В ряде стран развитие общественного здравоохранения стало проблемой национальной безопасности наряду с проблемами ядерного оружия, терроризма, кибератак. Меры по противодействию глобальному финансовому кризису и поддержке экономики, которые в разрезе стран используются крайне неравномерно, повышают риск усиления неравенства доходов, следствием чего может стать ухудшение социальной обстановки в некоторых странах.

Восстановление мировой экономики началось уже осенью 2020 г., однако оно может периодически утрачивать свой импульс и быть весьма неровным, а душевые доходы могут не достигнуть допандемического уровня ещё несколько лет, что вместе с банкротствами предприятий негативно скажется на производительности. Рост государственного долга приведёт к вытеснению инвестиций и ограничит новые заимствования. В свою очередь, нацеленность общественно-

¹² Johnson S. 2021. Can We Prevent the Global Fire Next Time? *Project Syndicate*, March 31. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/global-prevention-after-covid19-pandemic-by-simon-johnson-2021-03> (accessed: 15.04.2021).

го здравоохранения на борьбу с коронавирусом ограничит лечение других заболеваний. Особо отметим, что мировая финансовая система сохранила свою относительную устойчивость в период пандемии, однако необходимо стремиться к быстрому восстановлению экономического роста посредством наращивания инвестиций в инфраструктуру и цифровые технологии. По прогнозам, вследствие пандемии в 2020-2025 гг. мировое производство потеряет 28 трлн долл¹³. В связи с этим МВФ призвал проводить адаптивную денежно-кредитную политику с упрощением доступа к кредитам, низкими процентными ставками, продолжением фискальной поддержки домохозяйств и компаний¹⁴.

Шок периодического возобновления пандемии откладывает быстрое восстановление мировой экономики. Вместе с тем в Китае оживление потребительского спроса и промышленного производства вызвали рост экономики этой страны, чего почти не демонстрируют другие страны. Параллельно наблюдается лишь замедление восстановления экономики США и стран ЕС, а появление новых штаммов коронавируса привело к новым карантинным ограничениям. Сообщения о разработанных эффективных вакцинах против коронавируса, однако, заметно оживили деловую активность и оценки инвесторов, что, в частности, выразилось в значительном росте в ноябре 2020 г. индекса Доу Джонса, когда он впервые достиг допандемического уровня.

К настоящему времени большинство стран преодолели пиковые уровни пандемии, однако им необходимо обеспечить ресурсы для поддержания национальных систем здравоохранения, чему во многом должно содействовать мировое сообщество, особенно для тех стран, возможности здравоохранения которых ограничены и которые испытывают дефицит вакцин. В то же время одним из ключевых требований МВФ по предоставлению займов развивающимся странам с плохими платёжными балансами является сокращение государственных расходов, что, безусловно, может негативно сказаться на оплате труда в общественном секторе, а также нанести вред системам общественного здравоохранения этих стран. Поэтому для этих стран необходима разработка и внедрение альтернативных механизмов и программ финансовой помощи, в частности, приостановка выплаты долгов и их всеобъемлющая реструктуризация. Такой подход будет надёжным для оздоровления глобальной экономики, которое должно стать инклюзивным. В странах, где сохраняются локдауны, экономическая политика должна продолжать смягчать потери доходов домохозяйств и предусматривать поддержку пострадавшим компаниям. По мере открытия экономики целевая поддержка должна свёртываться, и экономическая

¹³ Gopinath G. 2020. A Long, Uneven and Uncertain Ascent. *International Monetary Fund*, October 13. URL: <https://blogs.imf.org/2020/10/13/a-long-uneven-and-uncertain-ascent/> (accessed: 15.04.2021).

¹⁴ G-20 Surveillance Note. G-20 Leaders' Summit November 21–22, 2020, Riyadh Summit, Virtual Meeting, *International Monetary Fund (IMF)*, November, pp. 2, 6, 10.

политика должна переходить к стимулированию спроса и межотраслевому перераспределению ресурсов.

По мере восстановления экономики мобильность в ней возросла, однако остаётся низкой по сравнению с докризисным уровнем, что свидетельствует о том, что люди добровольно сокращают взаимодействие в общественном транспорте, торговле, туризме и на рабочих местах. Снижение активности привело к небывалому стрессу для мирового рынка труда, который особо остро испытали низкоквалифицированные работники, не имеющие возможности работать удалённо. Одновременно как в развитых, так и в развивающихся странах отмечается ослабление инфляции. Давление на цены объясняется снижением совокупного спроса и мировых цен на сырьё, причём повышательное давление на цены ввиду перебоев в поставках не смогло выступить компенсирующим фактором, выступающим в пользу инфляции.

Ввиду продолжения распространения пандемии, несмотря на существенное восстановление международной товарной торговли, торговля услугами растёт весьма слабо, а финансовые системы многих стран остаются напряжёнными, несмотря на то, что монетарная политика стран уже адаптировалась к условиям текущего кризиса. Ряд стран ЕС в ответ на новые вспышки эпидемии вводит всё новые карантинные ограничения, однако меры противодействия пандемии, отмечают эксперты Всемирного банка, стали «...менее разрушительными и более целенаправленными для экономики»¹⁵, а распространение практики тестирования на коронавирус также сгладило обширные негативные последствия пандемии для экономики. Однако полная отмена блокировок для бизнеса и окончательное снятие карантинных ограничений будут возможны лишь по мере широкого распространения вакцины, которое и определит скорость восстановления экономики. В свою очередь, если восстановление будет продолжительным, то, по оценкам¹⁶, возрастет нагрузка на малый и средний бизнес, который столкнётся с перспективами банкротства и ограничениями ликвидности. Сохранение нестабильной и неопределённой экономической ситуации в мире усиливает риски принятия корпоративных решений об осуществлении зарубежных инвестиций и риски развития мировых финансовых рынков и рынков товаров и услуг. Так, уже очевидно, что в США кризис общественного здравоохранения в ближайшем будущем серьёзно скажется на экономической активности, инфляции и занятости.

Высокий уровень контагиозности коронавируса показал, что восстановление мировой экономики зависит от инклюзивного прогресса стран в сфере вакцинирования, поскольку даже по мере широкого охвата вакцинацией населения

¹⁵ Global Economic Prospects. 2021. *International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank*, Wash., DC, January, p. 9.

¹⁶ Global Financial Stability Report: Bridge to Recovery. 2020. *International Monetary Fund (IMF)*, Wash., DC, October, p. 1.

развитых стран, это может быть малоэффективным, если развивающиеся страны не имеют широкого доступа к надёжным вакцинам. Кроме того, развивающиеся страны стремятся изыскать средства для поддержки своей экономики, тогда как США уже потратили около 25% своего ВВП на данные цели, и масштабы экономического спада удалось сдержать. Расчёты Нобелевского лауреата по экономике М. Спенса показывают, что расходы США на поддержку экономики (на душу населения) на эти цели превышают соответствующий показатель наименее развитых страны в восемь тысяч раз¹⁷.

Сохранение неопределённости в отношении восстановления мировой экономики подтверждается неоднозначностью оценок и прогнозов ключевых международных экономических организаций, которые постоянно пересматриваются с начала пандемии. Прогнозы роста мировой экономики снижались по мере углубления глобальной рецессии, а, например, когда в конце 2020 г. наметились признаки восстановления, прогнозы вновь стали пересматриваться в сторону повышения. На наш взгляд, такая изменчивость прогнозов указывает на то, что этим организациям всё сложнее выйти на конкретные показатели экономического роста, и всё больше возобладает сценарный подход, когда используется веер вариантов для прогнозирования даже на самую краткосрочную перспективу. Между тем Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) указывала, что экономические эффекты кризиса будут различаться в разных странах, поскольку для них характерны разная степень и сроки сдерживающих мер¹⁸. МВФ давал оценку, что для мировой экономики более вероятно в краткосрочной перспективе будут худшие результаты роста, и восстановление экономики в 2021 г. будет лишь частичным¹⁹.

Соглашаясь с медленным восстановлением экономики, Всемирный банк детерминирует его скорость изменениями в структуре потребления и занятости²⁰. Вероятно, в ближайший год следует ожидать сохранения ослабленного частного потребления, поскольку домохозяйства все ещё стремятся к наращиванию предупредительных сбережений. Аналогично компании откладывают капитальные затраты в условиях продолжающейся неопределённости, поэтому инвестиции также не будут расти. В целом скорость восстановления мировой экономики зависит от: длительности пандемии, карантинных ограничений и социального дистанцирования; негативных последствий корпоративных банкротств и роста безработицы; силы трансграничных эффектов ввиду ослабленного спроса на

¹⁷ Spence M., Stiglitz J.E., Ghosh J. 2021. Avoiding a K-shaped Recovery. *Project Syndicate*. March 24. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/global-economy-avoiding-k-shaped-recovery-by-michael-spence-et-al-2021-03> (accessed: 15.04.2021).

¹⁸ Evaluating the Initial Impact of COVID Containment Measures on Activity. 2020. *Organization for Economic Cooperation and Development (OECD)*, Paris, March 27, 5 p.

¹⁹ World Economic Outlook Update. 2021. *International Monetary Fund*, Wash., D.C., January, p. 5.

²⁰ Global Economic Prospects. 2021. *International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank*, Wash., DC, January, 210 p.

экспорт и дефицита финансирования; реконфигурации ГЦСС, от которой зависит динамика производительности.

Эксперты Всемирного банка предполагают, что в 2022 г. рост мировой экономики составит 3,8%²¹, а нынешняя пандемия нанесёт ущерб потенциальному росту в долгосрочной перспективе. В краткосрочном плане усиление глобального восстановления возможно по мере постепенного роста торговли, потребления и доверия вследствие прогресса с вакцинацией. Ожидается, что в развивающихся странах совокупное производство в 2022 г. будет на 6% ниже допандемического уровня. При этом темпы восстановления экономики будут заметно различаться по отдельным регионам, и особенно сложная ситуация будет либо в регионах, которые испытали крупные вспышки пандемии, либо глобальные вторичные эффекты ввиду ограничений промышленного экспорта и экспорта туристических услуг. Более интенсивным будет восстановление в странах Восточной Азии, в основном за счёт Китая. Потенциальная уязвимость всех регионов может расти на фоне барьеров к распространению вакцин, а также ввиду высокого уровня долга.

В целом, в отношении последствий пандемии сложилась фундаментальная неопределённость, затрудняющая оценку перспектив развития мировой экономики. Прогресс вакцинации, безусловно, является ключевым детерминантом повышения темпов экономического роста. В свою очередь, следует учитывать, что системы производства и распределения в период текущего кризиса изменились, и это может ускорить рост производительности, цифровую трансформацию мировой экономики. Политическая поддержка может нивелировать негативные долгосрочные последствия пандемии для экономики, однако развивающиеся страны имеют ограниченное пространство для манёвров ввиду слабого потенциала здравоохранения, наличия в экономике значительного неформального сектора, а также жёстких ограничений по новым займам.

По мере роста глобальных производственных мощностей для выпуска вакцин это вселяет уверенность, что к концу 2021 г. продолжится восстановление мировой экономики. В этой связи можно ожидать резкого изменения так называемых К-образных моделей роста, получивших распространение в период пандемии²². Такая модель роста может характеризовать не только состояние отдельных отраслей, но и динамику различных макроэкономических агрегированных переменных, например, занятости, которая в разных отраслях может испытывать разную динамику, или дохода, который у разных слоёв общества может иметь разные тенденции. Ближе к 2022 г. произойдёт переход от К-образного роста к восстановлению роста многих секторов, где, очевидно, будут свои лиде-

²¹ Ibid, p. XVII.

²² К-образный рост экономики обычно наблюдается, когда происходит разноскоростное восстановление разных отраслей и секторов. Так, в одних секторах наблюдается рост, а в других продолжается снижение, что графически напоминает символ «К».

ры и аутсайдеры. Значительных положительных изменений следует ожидать по мере восстановления секторов услуг, где занятость традиционно высока.

Несмотря на указанные положительные оценки, негативное влияние пандемии на доходы населения и глобальную экономическую активность будет долгосрочным, что снизит потенциал роста глобального производства, занятости и загрузки производственных мощностей. Поэтому необходимы институциональные реформы стимулирования экономического роста с учётом высокого долга и слабого финансового положения хозяйствующих субъектов. Негативное давление на финансовые рынки получилось сгладить за счёт программ покупки активов центральными банками в некоторых развивающихся странах, а также мер адаптивной монетарной политики в развитых странах. Вместе с тем программы покупки активов в развивающихся странах были менее прозрачными, чем в развитых странах, и продолжение их применения как инструмента финансирования бюджетного дефицита создаёт риск подрыва независимости центральных банков и ослабления инфляционных ожиданий.

В период восстановления возможен возврат к моделям потребления, которых раньше не было, и теперь они будут стимулироваться отложенным спросом, что может обусловить развитие депрессивных секторов и снижение безработицы, особенно в условиях распространения (и уже произошедшего закрепления на законодательном уровне ряда стран) гибридных (смешанных) моделей занятости. По всей видимости, восстановление мирового спроса будет происходить быстрее, чем будет преодолено временное сокращение предложения, и здесь следует ожидать временного роста инфляции, хотя это не стоит расценивать как тревожную тенденцию. Значительный потенциал роста сохраняется для международных поездок, которые пока существенно ограничены, и эти ограничения будут сохраняться ввиду того, что международный туризм всегда связан необходимостью согласования на уровне нескольких юрисдикций, а единого подхода здесь пока не выработано.

Поскольку глубина нынешней рецессии максимальна за последние полтора столетия, несмотря на возобновление роста экономической активности, пока трудно предполагать срок её возвращения к допандемическому уровню. По всей видимости, в ближайшие годы темпы экономического роста развитых и развивающихся стран сблизятся, поскольку развитые экономики на фоне адаптивной монетарной политики и широкого распространения вакцинации будут восстанавливаться с темпами выше докризисных. В свою очередь, темпы роста ВВП развивающихся стран будут более сдержанными, и здесь ещё некоторое время на инвестициях и потреблении будут сказываться затяжные эффекты пандемии.

Со временем даже если пандемия будет взята под контроль, сохраняется её потенциальное длительное негативное влияние на экономический рост и вероятность нового финансового кризиса, поскольку, во-первых, в мире накоплены беспрецедентные объёмы долгов, а во-вторых, банковские системы, несмотря

на их высокую капитализацию, имеют риск снижения устойчивости, если пройдёт волна новых корпоративных банкротств. Как потенциальный катализатор экономического роста будет выступать рост спроса и доверия со стороны потребителей, ведомые быстрым распространением эффективных вакцин в мире. Следует оговориться, что здесь важным фактором выступает желание (или нежелание) населения иммунизироваться, поскольку отказ от вакцинации будет продолжать тормозить экономический рост. Поэтому не только трудности с распространением вакцин являются важнейшим фактором восстановления экономики, но и личное отношение потребителей к вакцинации.

Важным аспектом анализа динамики глобального экономического роста является вероятная долгосрочная перспектива сохранения низких процентных ставок и низкой инфляции, значимых для трендов фискальной и монетарной политики. В развитых странах фискальная политика играет важную роль в достижении макроэкономической стабильности, тогда как возможности монетарной политики ограничены. В долгосрочном плане для развитых стран необходимы экономические реформы на основе межотраслевого перераспределения ресурсов как фактора роста производительности и более широкого внедрения цифровизации и автоматизации. Монетарная политика развивающихся стран, скорее всего, останется адаптивной, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Так, в указанной группе стран продолжается реализация программ покупки активов, доказавших свою эффективность в стабилизации финансовых рынков в начале пандемии. Однако такие программы не должны ослаблять инфляционные ожидания и независимость регуляторов. С точки зрения финансовой стабильности также вызывает определённые сомнения и снижение требований к ликвидности и капиталу банков для повышения доступности кредитов, что также широко реализуется в развивающихся странах.

В перспективе вследствие пандемии замедлится рост производительности и производства, поскольку особенно негативным будет воздействие на человеческий капитал, предложение рабочей силы и инвестиции (отметим, что замедление производительности наблюдается в мировой экономике ещё со времён кризиса 2008-2009 гг., что отмечалось в соответствующей литературе (Dierpe 2020: 8)). Замедление инвестиций в последнее десятилетие усилится ещё больше, поскольку нет никакой уверенности инвесторов в прибыльности, а это означает, что накопление капитала в развивающихся странах будет снижаться. По мере широкого распространения вакцинации доверие бизнеса и потребителей будет восстанавливаться, а настроения на финансовых рынках – укрепляться. Несмотря на некоторое ужесточение фискальной политики в ведущих странах, в ближайшее время бюджетный дефицит сохранится. Если мировая экономика будет восстанавливаться слабо, то это может вызвать волны корпоративных банкротств и ухудшение балансов банков, а правительства будут не в состоянии оказывать дополнительную поддержку экономике. В краткосрочной перспективе все ещё сохраняется вероятность как суверенных, так и корпоратив-

ных дефолтов, что сделает бизнес и потребителей ещё более осторожными, и их соответствующие инвестиции и расходы снизятся. Вместе с тем сверхнизкие процентные ставки могут помочь слабым компаниям, вытесняя более сильные компании, которые преимущественно обеспечивают рост производительности. В мире продолжится тенденция роста глобальных (предупредительных) сбережений и снижения инвестиций. Экономический рост будет слабым, а снижение долга – незначительным. В конечном итоге будет проявляться так называемый «парадокс бережливости». В целом карантинные ограничения ещё некоторое время будут способствовать снижению производительности, поскольку глобальная торговля стала более фрагментированной. В то же время в пользу роста производительности выступают такие факторы, как глобализация и распространение цифровых услуг, технологий и практик, внедрённых в период пандемии.

Вместе с тем уже сейчас стал очевидным риск продолжения распространения пандемии в странах, имеющих задержки с вакцинированием ввиду дефицита поставок вакцин. В данном случае социальное дистанцирование и карантинные ограничения становятся уже неэффективными, поскольку появляются новые штаммы вируса. В силу ограниченного доступа к медикаментам вакцинация развивающихся стран может быть недостаточной или происходить с задержкой, а кроме того, следует учитывать нежелание части населения вакцинироваться. Для таких стран возможно ухудшение условий на финансовом рынке, в частности, рост вероятности оттока капитала, что скажется на наиболее рискованных группах заёмщиков. Также продолжится снижение частного потребления, инвестиций и банкротства предприятий, особенно подверженных риску безработицы.

Отдельного внимания в рамках нашей статьи заслуживают проблемы так называемого зелёного восстановления, которое предполагает применение широкого пакета зелёных реформ, ориентируясь на Цели устойчивого развития, сформулированные на период 2015-2030 гг. Вопросы зелёного роста мировой экономики вызвали большой всплеск научного интереса (Acosta, Grafakos 2020, Herburn et al. 2020, Maas, Lucas 2021).

Нестандартный характер восстановления актуализировал довольно необычные дебаты и дискуссию о том, какой должна быть политика зелёного восстановления экономики, которые позволяют пролить свет на возможности совершенствования институциональной структуры политики восстановления. В частности, высокий уровень государственного долга ограничивает фискальное пространство многих стран, и основным риском является то, что расходы на зелёное восстановление могут замещаться другими расходами, которые они считают более значимыми.

Кроме того, планы зелёного восстановления уже подвергаются частичной критике в специальной литературе в части того, что усилия по так называемой декарбонизации экономики могут оказаться тщетными, а к 2030 г. ожидается

снижение выбросов углекислого газа в атмосферу лишь в размере 2% (Politt 2020: 4). Усиливающееся неравенство в мире выступает основным негативным фактором, препятствующим подключить как можно больше стран к политике декарбонизации. Между тем в пользу снижения выбросов свидетельствует сформировавшийся положительный тренд перехода от традиционных автомобилей к электромобилям, доля которых в структуре мирового автомобильного парка к 2030 году в силу ряда факторов, по имеющимся оценкам (Пасько 2021: 20), существенно возрастёт.

Перспективная экономическая политика

В настоящее время актуальными для правительств стран остаются именно краткосрочные меры экономической политики, однако в силу динамичной природы нынешнего кризиса он уже трансформировался в глобальный торговоэкономический кризис. Если на начальном этапе политика в основном была направлена на устранение прямых экономических последствий, то в настоящее время принимаются дополнительные денежно-кредитные или фискальные меры, которые, по оценкам экспертов, могут лишь усложнить ситуацию по мере завершения пандемии (Jackson et al. 2021: 40). Первоначально ожидалось, что пандемия создаст лишь экономические последствия в виде краткосрочных проблем с поставками ввиду падения производства и введения карантинных ограничений. Вместе с тем по мере усиления пандемии росли опасения, что указанные шоки предложения могут создать более масштабные шоки спроса вследствие снижения потребительской активности домохозяйств и предприятий, что привело к снижению темпов роста мировой экономики. Снижение потребительской активности привело к стагнации сектора услуг, на который в экономике развитых стран приходится большая часть ВВП, и компании данного сектора стремились создавать запасы ликвидности, чему способствовала политика стран по снижению процентных ставок, чтобы предотвратить потенциальные банкротства.

Ф. Агийон, профессор Гарвардского университета, считает устранение пандемии коронавируса самым дешёвым способом восстановления экономики, и страны, выбравшие такую «стратегию ликвидации» (Китай, Республика Корея, Австралия, Исландия, Вьетнам, Таиланд и др.) сумели достичь контроля над вирусом, снизить неопределённость и возобновить экономический рост²³. Вместе с тем страны ЕС следовали логике блокировок и карантинных ограничений, что привело к более разрушительным последствиям для их экономики, неопределённости планирования и долгосрочного экономического роста. Развитые страны в основном нацелены на накопление средств для противостояния

²³ Aghion Ph. et al. 2021. Aiming for zero Covid-19 to ensure economic growth. *VoxEU*, March 31. URL: <https://voxeu.org/article/aiming-zero-covid-19-ensure-economic-growth> (accessed: 15.04.2021).

все новым вспышкам пандемии, вместо того чтобы инвестировать в инновации. В качестве негативного фактора следует добавить отложенные кампании по вакцинации, которые лишь усугубляют ситуацию. «Стратегия ликвидации» уже признана в научном сообществе (Chetty et al. 2020) в качестве наиболее эффективной, с точки зрения вреда экономике в средне- и долгосрочной перспективе. В странах, которые изначально придерживались данной стратегии, отрасли сферы услуг и ВВП в целом уже возобновили уверенный рост, тогда как в Европе ещё наблюдается спад. Рост ВВП стран, придерживавшихся стратегии ликвидации, был выше на 10% по сравнению с аналогичным показателем у стран Европы. В развитых странах, использовавших стратегию ликвидации (Австралия Новая Зеландия, Республика Корея, Япония), по сравнению с лидерами Европы (Германия, Испания, Италия, Франция), стабильность и экономический рост быстро вернулись к допандемическим уровням без существенного сравнительного прироста смертности.

В силу эпидемиологической и экономической взаимосвязанности стран Европы им необходима, как указывают в своём исследовании сотрудники французского Национального центра научных исследований и Оксфордского университета Б. Прадельски и М. Олиу-Бартон²⁴, совместная стратегия на основе «зелёного зонирования», когда все страны делятся на зоны, а зелёными становятся те, в которых охват вируса стал достаточно низким. Странами ЕС уже приняты критерии для определения таких зон, однако не обозначили инструменты их защиты. Без этого стратегия выхода из пандемии будет оставаться неубедительной, тогда как стремление к нулевому охвату коронавирусом продолжает оставаться самым эффективным и безопасным способом возврата к нормальной жизни.

Интересным является точка зрения Д. Гроса о том, что правительства развитых стран продолжают оставлять «фискальные краны открытыми»²⁵, поэтому возникает значительная неопределённость по поводу необходимости продолжения такой поддержки. Особенно широким фискальное вмешательство было в США и в ЕС со стороны как правительств стран, так и Европейского центрального банка. Это позволило указанным странам поддерживать личные доходы и занятость. Однако комбинированные масштабные меры монетарной и фискальной политики были жизненно необходимы в период сильнейшего экономического спада, и даже в условиях использования этих мер карантинные ограничения привели к резкому сокращению спроса, а затем и предложения.

²⁴ Pradeliski B., Oliu-Barton M. 2020. Green bridges: Reconnecting Europe to avoid economic disaster. *VoxEU.org*, February 09. URL: <https://voxeu.org/article/green-bridges-reconnecting-europe-avoid-economic-disaster#1> (accessed: 15.04.2021).

²⁵ Gros D. 2021. Fiscal Follies in the COVID Recovery. *Project Syndicate*, March 05. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/folly-of-additional-deficit-financed-fiscal-stimulus-in-2021-by-daniel-gros-2021-03> (accessed: 15.04.2021).

Своевременная реакция развитых стран способствовала значительному расширению ликвидности домохозяйств, компаний и финансовых учреждений.

Таким образом, на нынешнем этапе восстановления экономики применение налогово-бюджетных и денежно-кредитных стимулов должно быть оправданным. Вместе с тем необходимо ли и сегодня стремиться к сокращению бюджетного дефицита, как это было в условиях глобального кризиса 2008-2009 гг.? Казалось бы, правительствам необходимо продолжать некое-торое стимулирование потребления путём обеспечения замещающего дохода. Вероятно, что крупные трансферты со стороны правительств будут сохранены в краткосрочной перспективе для преодоления высокой безработицы и разрыва в объёмах производства. С другой стороны, вряд ли крупные трансферты домохозяйства будут стимулировать дополнительный спрос со стороны домохозяйств, хотя есть оценки, что с их стороны может быть потребление, компенсирующее сокращение прошлогоднего спроса. В любом случае продолжение трансфертов домохозяйствам будет вести не только к росту государственного долга, но и увеличение импорта для США, что усилит отрицательный дефицит их торгового баланса. Возможно, на нынешнем этапе необходимо международное сотрудничество в фискальной сфере, которое следует рассматривать как важнейший инструмент снижения вероятности так называемой «проблемы безбилетника», когда страны с относительно жёсткой фискальной политикой и положительным торговым балансом снижают мировой спрос, однако получают некоторые выгоды от экспансионистской налогово-бюджетной политики других стран. Так, ответом США на их несогласие и критику пакетов фискального стимулирования, принятых в ЕС в период пандемии, может являться дальнейшее усиление агрессивной протекционистской политики.

По мере свёртывания пандемии развитым странам необходимо переходить к политике стимулирования экономического роста от используемой ныне политики поддержки доходов, и важная роль в стимулировании экономической активности должна отводиться фискальной политике, а в долгосрочной перспективе – структурному реформированию, нацеленному на преодоление неравенства, расширение использования цифровых технологий и межотраслевое перераспределение ресурсов. Вероятно, в течение долгих лет номинальные процентные ставки будут оставаться низкими и даже отрицательными, что будет обусловлено потребностями восстановления экономики. Поскольку инфляция после пандемии может расти быстрыми темпами, то необходимы нетрадиционные инструменты политики для таргетирования инфляции. В свою очередь, необходимо крайне осторожно относиться к поддержке перегруженных долгами заёмщиков, и эта поддержка после пандемии должна быть отменена, чтобы не допустить роста долга. Фискальные мультипликаторы достигают больших величин в периоды роста безработицы, поэтому здесь необходимо перераспределение государственных расходов в части их увеличения на инвестиции в инфраструктуру и образование. Наконец, с учётом того, что в результате панде-

мии производство в развитых странах сократилось, необходимы новые стратегии для развития малого и среднего бизнеса, его поддержки посредством налоговых реформ, а также использования преимуществ ускоренной автоматизации и цифровизации.

Для развивающихся стран краткосрочным приоритетом восстановления экономики являются управление пандемией и содействие распространению вакцин. Необходим поиск такого баланса между прекращением господдержки и стимулированием экономического роста, который обеспечит стабильность государственных финансов. В наименее развитых странах это может потребовать продолжения политики списания долгов. В целом, в развивающихся странах необходимы обширные реформы общественного здравоохранения, перераспределение инвестиций в пользу развития зелёной инфраструктуры и цифровых технологий, достижение прозрачности в управлении долгом. Также в качестве перспективного направления для развивающихся стран является их ускоренное встраивание в ГЦСС, для чего, по мнению исследователей, необходима диверсификация видов деятельности, которые эти страны могут расширить под влиянием автоматизации (Кириллов, Миллер 2021: 94). В частности, эксперты Всемирного банка обращают внимание, что, например, в Китае, в условиях обострения проблемы государственного долга, денежно-кредитная политика должна не ужесточаться, а оставаться гибкой, чтобы обеспечивать эффективное управление финансовыми рисками²⁶. Также критически значимыми для восстановления экономики Китая являются переход от государственных инвестиций к потреблению, снижение регулирующей роли государства, поощрение инвестиций в человеческий капитал.

Несмотря на сохранение рисков инфляционного давления в развивающихся странах, они могут продолжать проводить адаптивную денежно-кредитную политику на фоне низких глобальных процентных ставок, а низкая стоимость займов снизит долговую нагрузку на экономику. Однако такой подход вряд ли применим для стран с истощаемыми резервами или существенным отрицательным сальдо платёжных балансов. Длительное использование программ покупки активов со стороны центральных банков развивающихся стран в долгосрочном плане может создать новые риски, подрывая авторитет и независимость центральных банков. Если же такие программы будут использоваться для преодоления дефицита бюджета, это приведёт к оттоку капитала, девальвации национальной валюты и росту инфляции.

Основной проблемой противодействия пандемии коронавируса является то, что ресурсы для её сдерживания и смягчения её последствий для экономики, общества и здравоохранения распределены между странами неравномерно. Так, развивающиеся страны по сравнению с развитыми имеют ограниченное

²⁶ Global Economic Prospects. 2021. *International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank*, Wash., DC, January, pp. 47-48.

фискальное пространство, поэтому в данной связи актуализируется проблема глобального сотрудничества в сфере облегчения долговой нагрузки наименее развитых стран. В своё время известный План Брэйди по реструктуризации задолженности в начале 1990-х гг. способствовал существенному уменьшению долга развивающихся стран, что во многом обеспечило восстановление мировой экономики. Новый подход к уменьшению долгового бремени наименее развитых стран, анонсированный странами «Большой двадцатки»²⁷, призван облегчить координацию между странами-кредиторами по суверенным займам, но этот подход должен быть расширен и охватывать также сферу международных коммерческих займов. В свою очередь, в сфере разработки и распространения вакцин также необходимы глобально скоординированные подходы, основанные на справедливом и доступном распределении вакцин.

При дальнейшей разработке мер экономической политики важным параметром должно стать достижение большей инклюзивности политики зелёного восстановления, для чего необходима её адаптация на национальном уровне, особенно в тех странах, которые пока весьма консервативно настроены по поводу декарбонизации, например, по таким направлениям, как возмещение налога на добавленную стоимость, разработка программ утилизации автомобилей, субсидирование программ возобновляемой энергетики, стимулирование энергоёмких отраслей и пр. Во многих странах ещё необходим поиск компромиссов между зелёным восстановлением экономики и другими целями развития (Ashraf, Van Seters 2021), а также убедительные доказательства выгод инвестиций в экологически ориентированное восстановление экономики.

Скорость восстановления экономики, бесспорно, будет зависеть от дальнейшего распространения пандемии, которое, в свою очередь, детерминировано распространением эффективных вакцин. Вместе с тем для мировой экономики актуальной проблемой остаётся рост производительности труда, ограниченной перебоями в занятости и обучении, сохраняющейся неопределённостью развития экономики и низким спросом. Для повышения устойчивости экономического развития в будущем необходимы значительные капиталовложения, а также фундаментальные сдвиги и изменения в системах образования и социальной защиты, общественном транспорте, городском планировании. В сфере международной экономики тоже необходимо изменение подходов, поскольку, например, ЕС достиг уровня высокоинтегрированного рынка, однако в сфере здравоохранения национальная политика стран-членов остаётся асинхронной. В целом, для стабильного функционирования и дальнейшего развития мировой экономики, несмотря на серьёзное замедление процессов экономической глобализации, необходимо дальнейшее развитие системы глобальных общественных благ.

²⁷ Statement: Extraordinary G20 Finance Ministers and Central Bank Governors' Meeting. 2020. *G20 up of 20*. November 13. URL: https://www.mof.go.jp/english/international_policy/convention/g20/g20_201113_1.pdf (accessed: 15.04.2021).

Об авторе:

Евгений Николаевич Смирнов – доктор экономических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой мировой экономики и международных экономических отношений ФГБОУ ВО «Государственный университет управления». 109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99. E-mail: smirnov_en@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 339.9
Received: March 02, 2021
Accepted for publication: April 09, 2021

Post-Pandemic Recovery of the Global Economy

E.N. Smirnov
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-2-77-47-71](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-47-71)

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract: As the coronavirus pandemic continues to spread, the degree of its negative impact on the development of economic systems throughout the world economy increases. At the same time, the issues of the future world order and the restoration of the global economy are becoming more and more uncertain. The purpose of our study was to review the conceptual and practical approaches to substantiating the possibilities of postcrisis recovery of the global economy in the context of the continuing negative impact of the pandemic on international trade, capital flows and the development of the world financial system. The article reviews the materials of international economic organizations to assess the longterm economic consequences of the pandemic. The analysis shows that the main problem in assessing the possibilities for the recovery of the world economy is the existing heterogeneity in the degree of the pandemic's impact on individual sectors and economies of countries, as well as the differentiation and inconsistency of the applied economic policy instruments. In addition, it was found that the world retains a high potential for financial instability, and "vaccine nationalism" is getting worse. The main contradiction is the transboundary nature of the challenges to further economic development with a significant slowdown in globalization processes. The author considers the current pandemic to be one of the new global problems of the world economy, since its recovery in the current conditions is of an indefinite spasmodic nature, and there are also risks of a permanent slowdown in economic mobility. The solution to the key problem of economic growth - increasing productivity - is possible only with a clear understanding and planning of progress with inclusive vaccination, which is so far elusive. Although shortterm economic policy is a priority for governments, a wellcoordinated international agenda is needed at the global level to ensure the transition from income support to stimulating economic growth, as well as to overcome the existing structural imbalances and distortions in the system of economic relations between countries.

Keywords: economic recovery; pandemic; economic policy; economic globalization; global crisis

About the author:

Evgeny N. Smirnov – Doctor of Economics, professor, Deputy Head of the World Economy and International Economic Relations Department, State University of Management. 109542, Moscow, Ryazansky prospect, 99. E-mail: smirnov_en@mail.ru

References:

- Acosta L., Grafakos S. 2020. Achieving Green Growth and Climate Action Post-COVID-19. *GGGI Technical Report*. №13. Global Green Growth Institute (GGGI), Seoul. 62 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.13208.42240
- Ashraf N., Van Seters J. 2021. Towards a Global Green Recovery: The cases of Denmark, the EU, Germany, the Netherlands and the UK. *Discussion Paper*. №295. European Centre for Development Policy Management (ECDPM). 26 p.
- Autor D., Reynolds E. 2020. *The Nature of Work after the COVID Crisis: Too Few Low-Wage Jobs*. The Hamilton Project, Brookings Institution, Essay 2020-14. 9 p.
- Baldwin R., Weder di Mauro E. 2020. *Economics in the Time of COVID-19*. CEPR Press. 115 p.
- Banerjee R.N., Hofmann B. 2020. Corporate Zombies: Anatomy and Life Cycle. *BIS Working Paper*. №882. Bank for International Settlements, Basel. 29 p.
- Baqae D., Farhi E. 2020. Supply and Demand in Disaggregated Keynesian Economies with an Application to the Covid-19 Crisis. *NBER Working Paper*. №27152, National Bureau of Economic Research (NBER), Cambridge, MA. 65 p.
- Bauer W.A. et al. 2021. Flattening the Insolvency Curve: Promoting Corporate Restructuring in Asia and the Pacific in the Post-C19 Recovery. *IMF Working Paper* 2021/016. January 29. International Monetary Fund. 40 p.
- Bloom N., Bunn P., Mizen P., Smietanka P., Thwaites G. 2020. The Impact of Covid-19 on Productivity. *NBER Working Paper*. №28233, National Bureau of Economic Research (NBER), Cambridge. 25 p.
- Bonadio B., Huo Z., Levchenko A.A., Pandalai-Nayar N. 2020. Global Supply Chains in the Pandemic. *NBER Working Paper*. №27224. National Bureau of Economic Research (NBER), Cambridge, MA. 51 p.
- Chetty R. et al. 2020. The Economic Impacts of COVID-19: Evidence from a New Public Database Built Using Private Sector Data. *NBER working paper*, №27431, National Bureau of Economic Research (NBER), Cambridge. 64 p.
- Chudik A. et al. 2020. A Counterfactual Economic Analysis of Covid-19 Using a Threshold Augmented Multi-Country Model. *NBER Working Paper*, No 27855, National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA. 37 p.
- Dieppe A. 2020. *Global Productivity: Trends, Drivers, and Policies*. The World Bank. 389 p.
- Guerrieri V., Lorenzoni G., Straub L., Werning I. 2020. Macroeconomic Implications of COVID-19: Can Negative Supply Shocks Cause Demand Shortages? *NBER Working Paper*. №26918, National Bureau of Economic Research (NBER), Cambridge. 36 p.
- Hafner M., Yerushalmi E., Fays C., Dufresne E., Van Stolk C. 2020. *COVID-19 and the Cost of Vaccine Nationalism*. RAND Corporation. 61 p.
- Hepburn C., O'Callaghan B., Stern N., Stiglitz J., Zenghelis D. 2020. Will COVID-19 Fiscal Recovery Packages Accelerate or Retard Progress on Climate Change? *Oxford Review of Economic Policy*. №36, P. 359-381. DOI: 10.1093/oxrep/groa015
- Jackson J.K. et al. 2021. Global Economic Effects of COVID-19. *CRS Report*, Congressional Research Service (CRS), R46270, Version 64. 140 p.

Lazarou E. 2020. The Future of Multilateralism and Strategic Partnerships. *EPRS Ideas Paper*. №PE 652.071. European Parliament. 12 p.

Lund S. et al. 2021. *The Future of Work After COVID-19*. McKinsey Global Institute.

Maas T., Lucas P. 2021. Global Green Recovery: From Global Narrative to International Policy. *PBL Netherlands Environmental Assessment Agency Note*. 26 p.

Politt H. 2020. Assessment of Green Recovery Plans after Covid-19. *Cambridge Econometrics Final Report*. Cambridge, UK. 33 p.

Restoy F. 2020. Central Banks and Financial Stability: A Reflection after the COVID-19 outbreak. *Occasional Paper*, №16. Bank for International Settlements, Basel. 9 p.

Van Bergeijk P. 2021. The Political Economy of the Next Pandemic. *International Institute of Social Studies Working Paper*. № 678, April, Hague, Netherlands. 22 p. DOI: 10.2139/ssrn.3831710

Wyplosz C. 2020. The Good Thing about Coronavirus Baldwin R., Weder di Mauro E. (eds). *Economics in the Time of COVID-19*. CEPR Press. 115 p.

Kirillov V.N., Miller Ya.V. 2021. Global'nyye tsepochki sozdaniya stoimosti v kontekste novykh vyzovov razvitiya mirovoy ekonomiki [Global Value Chains in the Context of New Challenges in the Development of the World Economy]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik*. №2, P. 86-97. (In Russian). DOI: 10.24411/2072-8042-2021-2-86-97

Niyazbekova Sh.U. 2020. Menedzhment zarubezhnykh bankov v usloviyakh pandemii: problemy i puti ikh resheniya [Management of Foreign Banks in a Pandemic: Problems and Solutions]. *E-Management*. №3, P. 4-12. (In Russian). DOI: 10.26425/2658-3445-2020-3-3-4-12

Pasko A.V. 2021. Trendy tsifrovoy transformatsii mirovogo avtomobilstroyeniya [Trends in the Digital Transformation of the Global Automotive Industry]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik*. №3, P. 18-26. (In Russian). DOI: 10.24411/2072-8042-2021-3-18-26

Smirnov Ye.N. 2020. «Mirovaya ekonomika koronavirusa»: poisk optimal'nykh putey preodoleniya posledstviy krizisa [“World Economy of Coronavirus”: Searching for Optimal Ways to Overcome the Consequences of the Crisis]. *MGIMO Review of International Relations*. 13(3), P. 243-266. (In Russian).

Smirnov Ye.N., Karelina Ye.A. 2021. Otsenka paradoksov i riskov razvitiya global'noy ekonomiki v usloviyakh koronakrizisa [Assessment of Paradoxes and Risks of the Development of the Global Economy in the Context of Coronacrisis]. *Innovatsii i investitsii*. №2, P. 33-38. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Кириллов В.Н., Миллер Я.В. 2021. Глобальные цепочки создания стоимости в контексте новых вызовов развития мировой экономики. *Российский внешнеэкономический вестник*. №2. С. 86-97. DOI: 10.24411/2072-8042-2021-2-86-97

Ниязбекова Ш.У. 2020. Менеджмент зарубежных банков в условиях пандемии: проблемы и пути их решения. *E-Management*. №3. С. 4-12. DOI: 10.26425/2658-3445-2020-3-3-4-12

Паско А.В. 2021. Тренды цифровой трансформации мирового автомобилестроения. *Российский внешнеэкономический вестник*. №3. С. 18-26. DOI: 10.24411/2072-8042-2021-3-18-26

Смирнов Е.Н. 2020. «Мировая экономика коронавируса»: поиск оптимальных путей преодоления последствий кризиса. *Вестник МГИМО Университета*. 13(3). С. 243-266. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-3-72-243-266

Смирнов Е.Н., Карелина Е.А. 2021. Оценка парадоксов и рисков развития глобальной экономики в условиях коронакризиса. *Инновации и инвестиции*. №2. С. 33-38.